

Я.У. АСТАФЬЕВ

В.Н. ШУБКИН КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КАТАСТРОФИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

АСТАФЬЕВ Янис Улдисович – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (ayanis@mail.ru).

Аннотация. В статье рассматривается последний исследовательский проект В.Н. Шубкина – изучение катастрофического сознания (прежде всего, в постсоциалистических странах). Это – крупное международное исследование, инициированное социологом В.Э. Шляпентохом, российскую часть которого организовал В.Н. Шубкин. Излагаются его взгляды на исторические предпосылки катастрофизма в России. Приводятся обобщенные результаты его социологических исследований страхов и тревог в России рубежа 1990–2000-х гг., а также данные сравнительных эмпирических исследований в других странах (Литва, Болгария, Украина), проведенных по методике Шубкина. Отмечается высокий вклад ученого в теоретическое и эмпирическое изучение страхов и тревог как факторов социального самочувствия общества, которое свидетельствует о его способности решать постоянно возникающие проблемы, сохранять и улучшать свое положение среди других сообществ, либо о его неспособности решать эти проблемы.

Ключевые слова: В.Н. Шубкин • катастрофическое сознание • сравнительные междо-национальные исследования • страхи • тревоги

DOI: 10.31857/S013216250027364-3

В.Н. Шубкин известен прежде всего как исследователь процессов перехода молодежи от образования к труду, трудоустройства и выбора профессии, соотношения надежд молодежи и потребностей рынка труда. На этом фоне сравнительно скромно выглядит другая область его интересов и социологических штудий – катастрофическое сознание. Она появилась в связи с его старинным другом – Владимиром Эммануиловичем Шляпентохом (1926–2015), с которым он был знаком еще по Новосибирскому Академгородку, до того как Шляпентох эмигрировал в 1970-е в США.

Следует подчеркнуть, что В.Н. Шубкина всегда интересовал широкий круг вопросов, связанных с воспроизводством социального порядка. В этом плане разнообразные реальные и воображаемые страхи и тревоги, которые явно или подсознательно переживает, испытывает человек, выступают в социологической перспективе как важные мобилизационные (мотивирующие) либо демобилизационные (демотивирующие) факторы его поведения. Они играют роль механизмов оценки определенных событий и планов социального взаимодействия, способов противостоять опасностям или, наоборот, скрываться от них, «прятать голову в песок».

Произошедшие на рубеже 1980–1990-х гг. на территории постсоветского пространства изменения породили совершенно новую структуру социальных взаимоотношений. Если в дореформенное время «человек советский» был хорошо знаком с основными аспектами устройства социального порядка и уверен в его стабильности, то в переходный период его представления о мире сначала зашатались, а затем рухнули. Им на смену пришли другие механизмы как стабилизации повседневного непосредственного опыта, так и понимания и оценки событий, происходящих за пределами его «жизненного мира». Последние доставлялись и предоставлялись ему средствами массовой коммуникации, общением с авторитетными поставщиками мнений, реже – непосредственным наблюдением. Результатом явилось бурное развитие всевозможных переживаний в отношении явных

или мнимых опасностей и ожиданий наступления соответствующих последствий. Это естественным образом вылилось в специфическую структуру катастрофического сознания, присущего «пореформенному советскому человеку».

Именно изучению разнообразных страхов (прежде всего на постсоветском пространстве), а также их сравнительному исследованию был посвящен международный проект «Катастрофическое сознание в современном мире», инициированный в 1990-е гг. профессором американского Университета штата Мичиган (Michigan State University) В.Э. Шляпентохом. В рамках проекта предполагалось проанализировать сами понятия страхов и катастрофизма применительно к массовому сознанию, сопоставить структуры страхов в различных регионах России, а также в странах, которые присоединятся к проекту.

Основным направлением у американских социологов являлось изучение теоретических аспектов катастрофического сознания. В российском же Институте социологии РАН, напротив, главный упор был сделан на разработке методики, проведении эмпирических исследований, анализе и интерпретации их результатов. С этой целью в институте был создан Центр международных исследований проблем катастрофического сознания (далее – Центр), директором которого стал В.Н. Шубкин.

Изучение страхов было начато в России и в США в 1995 г.; позднее к проекту присоединились литовские, украинские и болгарские специалисты. В России эмпирические исследования проводились трижды силами сотрудников Центра – в 1996, 1999 и 2003 гг. (причем в последнем году по несколько измененной методике). В 1997 г. Центром изучения рынка и общественного мнения «Vilmorus Ltd.» (г. Вильнюс, Литва) были опрошены респонденты по той же методике. В том же 1997 г. по несколько измененной анкете, адаптированной к местным особенностям, проводились массовые полевые исследования в Болгарии под руководством президента Болгарской социологической ассоциации П.Э. Митева. В 1998 г. к этому международному проекту подключились и украинские социологи под руководством директора Киевского международного института социологии В.И. Паниотто.

Результатом явился огромный массив информации, включавший теоретические и эмпирические данные, проанализированные в ряде статей и монографий. Остановимся на тех научных работах, автором (или соавтором) которых был Владимир Шубкин.

Исторические предпосылки катастрофизма в России. В самом начале 2000-х гг. Центром под руководством В.Н. Шубкина была подготовлена коллективная монография «Страхи и тревоги россиян» [Шубкин, Иванова, 2004], где были подытожены результаты исследований катастрофического сознания на постсоветском пространстве. Описанию и анализу эмпирических данных российских исследований 1996 и 1999 гг., а также их сравнению с литовскими и украинскими данными Шубкин предварил большой теоретический материал. В нем ученый сосредоточился на исторических предпосылках воспроизводства страхов и тревог в России.

Исходя из исторической канвы сосуществования русского народа и российской государственности, автор указывал, что «в ходе тысячелетней истории России происходил, с одной стороны, процесс развертывания страхов: новые конкретно-исторические условия порождают новые формы опасения и тревог. С другой стороны, все более обнаруживается, что существует группа сквозных типов страха, которые практически сохраняют свою силу и влияние на протяжении всей истории» [там же: 28]. Исследователь отметил живучесть страхов второго типа, которые могут столетиями сохраняться в подсознании народа и неожиданно выплескиваться, становясь важнейшим фактором поведения людей. К числу таких страхов Шубкин отнес как природные/биологические факторы (например, опасения неурожая), так и социальные – в первую очередь воспроизводящийся из поколения в поколение страх перед иноземным нашествием.

Большое значение Шубкин также уделил личности правителей, стоявших в разное время у руля власти в нашей стране, и тому, насколько «шизофренические тревоги» некоторых из них сказывались на подданных. Возникавшее при этом отчуждение элиты от «нижних этажей» порождало у простых людей ощущение полного произвола и беззакония.

В некоторые эпохи этот тип страха становился доминантой поведения населения России. Ключевыми фигурами в этом плане В.Н. Шубкин полагал Ивана Грозного и Петра I.

Советский период отечественной истории породил, утверждал автор, не менее, если не более, существенные страхи. «Население испытало на себе за эти годы полный набор всех мыслимых и немыслимых ужасов и способов насилия. Здесь катастрофическое сознание – постоянное состояние миллионов и миллионов людей. И, пожалуй, наиболее точное определение нашей страны в этот период – империя страха» [там же: 43]. Послевоенный период породил новые формы катастрофического сознания: страх перед третьей мировой войной, ядерной бомбой, самоуничтожением человечества.

Вместе с перестройкой и прекращением холодной войны эти угрозы если не исчезли вовсе, то страх перед ними существенно снизился. Вместе с тем, отмечал В.Н. Шубкин, как порождение гласности и возможности обсуждать любые запретные темы и скрываемые прежде факты возникли новые страхи – боязнь экологических катастроф, химического заражения воды и почвы, а также роста преступности и общей криминализации страны. Последнее в особенности стало беспокоить россиян на фоне резкого увеличения дифференциации доходов. Ученый отмечал, что данное обстоятельство существенно повлияло на восприятие населением перестройки и происходивших в 1990-е реформ. По данным социологических мониторингов, писал Шубкин, если отношения к переменам и надежды на будущее до конца 1993 г. улучшались, то потом они резко ухудшились [Шубкин, Иванова, 2004: 56].

Следует подчеркнуть, что суждения и выводы автора следует соотносить с реалиями времени, когда готовилась монография. В то же время они отнюдь не поверхностны, поскольку опирались как на исследования отечественных и зарубежных обществоведов, так и на эмпирические данные проекта.

Эмпирическое исследование страхов и тревог россиян в 1996 г. Как уже говорилось, первое массовое исследование катастрофического сознания было проведено в России в 1996 г. под руководством В.Н. Шубкина. Объем выборки составил 1350 человек. Вся территория страны в соответствии с программой исследования была разделена на пять метарегионов: Центр (Москва и С.-Петербург); Север и Северо-Запад; Юг и Юго-Запад; Поволжье и Урал; Сибирь и Дальний Восток. Выборка также была соотнесена со статистически достоверной половозрастной структурой и образовательным уровнем населения регионов, а также с национальным составом, основными занятиями респондентов, их отраслевой занятостью, среднемесячным доходом [Шляпентох и др., 1999: 122–123].

Важным результатом эмпирического исследования оказалась дифференциация уровня катастрофического сознания по гендерному признаку: в наибольшей степени страхам были подвержены представительницы женского пола. Их ответы демонстрировали почти двойное превышение уровня страхов у мужчин.

Наибольшее количество тревог и страхов в ответах исследования 1996 г. оказалось связано с химическим и радиационным заражением воды, воздуха и продуктов. На втором месте присутствовало снижение жизненного уровня, обнищание общества. Также достаточно высоко люди опасались беззакония и криминализации общества. Замыкали пятерку самых распространенных страхов массовые эпидемии, распространение СПИДа и других смертельных заболеваний [Шляпентох и др., 1999: 127–128].

Специальная группа вопросов, указывал В.Н. Шубкин, была посвящена изучению готовности в той или иной степени предотвратить грозящую катастрофу или смягчить ее последствия. Анализ показал, что больше половины отвечавших планировали ограничиться лишь обсуждением своих страхов с родными и близкими, около трети же отвечали, что все бесполезно и ничего сделать нельзя. Тем не менее в случае, если какая-либо катастрофа произойдет, более 40% респондентов выразили намерение что-либо предпринять. Остальные же были убеждены, что от их действий ничего не зависит [Шляпентох и др., 1999: 130].

Важные особенности выяснились при изучении географии страхов. Как и следовало ожидать, самый большой уровень катастрофизма в конце 1990-х был характерен для респондентов, проживающих в регионе Юга и Юго-Запада – в регионах с высокой тогда межэтнической напряженностью (включая граничащие с самопровозглашенной Чеченской Республикой Ичкерия, где с 1994 г. шли военные действия). Он превышал уровень катастрофизма самого «спокойного» в данном отношении региона Севера и Северо-Запада более чем в два раза. Из 43-х вовлеченных в анализ угроз и опасностей регион Юга и Юго-Запада по 31-му дал максимальный для всех регионов России процент респондентов, переживавших сильную тревогу и постоянный страх, на второе место после химического и радиационного заражения вышли опасения полного беззакония.

На втором месте среди регионов России по распространенности страхов находились тогда Поволжье и Урал, на третьем – Центр, который лидировал лишь по восьми видам угроз и опасностей. Жители Поволжья и Урала больше других регионов опасались лишь одного – наступления конца света (напомним, что накануне 2000 г. во всем мире были популярны апокалипсические высказывания о «конце времен»). Для живущих в столичных мегаполисах главными страхами являлись приход к власти радикальных коммунистов, преобладание мигрантов и сокращение рождаемости. Сибирь и Дальний Восток опережали другие регионы по опасениям перед истощением природных ресурсов, ядерной войной и кризисом семейных ценностей. Лишь ответы представителей Севера и Северо-Запада показали, что здесь нет ни одной опасности или угрозы, которой респонденты страшились бы больше, чем в других регионах.

Таким образом, подчеркивал В.Н. Шубкин, эпицентром страхов и тревог в России в 1996 г. выступал географический Юг и Юго-Запад – традиционно богатейшие территории нашей страны. «Нужны были какие-то чрезвычайные обстоятельства, чтобы привести население... в состояние паники» [Шубкин, Иванова, 1999: 64]. Видимо, заключал автор, в этом сказалась близость этих регионов к Кавказу, который на тот момент был средоточием этнических конфликтов и войн, что неизбежно порождает высокую интенсивность тревог, страхов, катастрофического сознания [Шляпентох и др., 1999: 141].

Главной неожиданностью первого российского исследования 1996 г. стали данные, что наибольшую тревогу и страх вызывает возможность экологических катастроф. Следом за ней шли ожидаемые опасения социального характера: снижения жизненного уровня, обнищания населения, полного беззакония, криминализации общества, распространения массовых эпидемий и массовой безработицы.

Страхи на посткоммунистическом пространстве. С самого начала проект изучения катастрофического сознания предполагался как международный.

Когда первые работы по нему были в 1995 г. начаты одновременно в России и США, американские участники под руководством В.Э. Шляпентоха сосредоточились преимущественно на теоретических аспектах катастрофизма. Однако параллельно с этим в 1996 г. в Нью-Йорке и Бостоне производились опросы среди недавних иммигрантов из СНГ. Поскольку выборка была нерепрезентативной, это не позволило в дальнейшем полностью сопоставить российские и американские данные. Впрочем, некоторые ориентировочные выводы все же удалось сделать [Шубкин, 1997: 69]. Бросается в глаза, указывал В.Н. Шубкин, что россияне безусловно превосходят иммигрантов своими тревогами и страхами практически по всем позициям. Из всего перечня опасений иммигранты лидируют лишь по четырем показателям – геноцид, ислам, неонацизм и коммунизм. Их страхи в основном связаны с бедствиями, порождаемыми «враждебными силами», где у россиян, напротив, оказались в исследовании 1996 г. самые низкие показатели, особенно по сравнению со страхами перед социально-экономическими потрясениями и экологическими катастрофами [Шубкин, 1997: 71].

В 1997 г. по методике, несколько измененной по сравнению с российской, было проведено исследование катастрофического сознания в Литве. Эта постсоветская страна была выбрана потому, что переживала на тот момент несколько иные проблемы,

связанные с переходом от советской к европейской модели построения экономики и общества, что предоставляло весьма интересные возможности для сравнения. Объем представительной выборки в Литве составил 1017 респондентов.

Исследование выявило доминирование у литовцев страхов прежде всего социального характера. На первое место в числе наиболее сильных тревог в Литве вышли опасения массовых эпидемий, распространения СПИДа и других смертельных заболеваний. Эти явления отметили более половины интервьюируемых. Меньший уровень опасений вызвали массовая безработица, снижение жизненного уровня и обнищание населения. Таким образом, с точки зрения литовских респондентов, эпидемиологическая угроза представлялась большей, нежели экономический кризис. В этом, как отмечали В.Н. Шубкин и В.А. Иванова, сказалось влияние процесса встраивания Литвы в мир глобальной экономики и возрастающих связей между государствами и континентами, когда никто не может быть застрахован от того, чтобы завтра не оказаться в эпидемиологической ситуации [Шубкин, Иванова, 2004: 156].

При сравнении массовых форм страха в Литве и России исследователям бросилось в глаза, что их интенсивность в балтийской стране оказалась куда ниже, чем в нашей. По основным показателям она была схожа с той, что демонстрировали американские респонденты. Единственная опасность, которой литовцы страшились больше, нежели россияне, – это преобладание мигрантов, не желающих или не способных усвоить национальные культуру, язык и образ жизни. По мнению исследователей, источником этого феномена явился исторически усвоенный жителями Литвы экзистенциальный страх перед воображаемой угрозой гибели национальной общности в результате лишения ее государственной самостоятельности вследствие поглощения более мощным агрессивным соседом, который был с 1991 г. перенесен на Россию [там же: 161]. Выявилась также достаточно высокая степень самоорганизации литовского общества для противостояния опасностям. При возникновении таковых половина респондентов планировала предпринять определенные контрдействия.

Украинскими коллегами социологами эмпирические исследования катастрофического сознания проводились в 1998 г. по российской методике. Объем выборки составил 450 респондентов. При анализе основных страхов и тревог, присущих украинцам, четко просматривалась их близость российским показателям, но имелись и отличия.

Прежде всего, у жителей Украины выявился куда больший уровень тревожности, нежели у россиян. Ситуация в этой стране, отмечали В.Н. Шубкин и В.А. Иванова, граничила с паникой [там же: 165]. Наиболее сильную тревогу и постоянный страх у украинских респондентов вызывала в конце 1990-х перспектива снижения жизненного уровня, обнищания населения. При этом возможность химического и радиационного заражения вышла лишь на второе место среди всех страхов, хотя память о чернобыльской катастрофе 1986 г. была еще свежа. Далее шли опасения наступления полного беззакония, массовой безработицы, распространения СПИДа и других смертельных болезней. Что характерно, украинцев четверть века назад сильно волновала проблема катастрофического неурожая. По частоте упоминания бедствия, которого бы интервьюируемый опасался больше всего, оно находилось у украинцев на шестом месте, в то время как в ответах российских респондентов оно вообще не звучало [Шубкин, Иванова, 1999: 161].

Исследователи также отмечали, что чрезвычайно высокая интенсивность страха на Украине сочеталась с крайне низким уровнем способности населения к самоорганизации для противостояния вероятной опасности. На вопрос, какие меры респонденты намерены предпринять в борьбе с безработицей, преступностью и экологическими катастрофами, процент ответивших «Не знаю» и «Это меня не касается» был среди украинцев выше, чем среди россиян [там же: 162].

В 1997 г. в рамках международного проекта «Катастрофическое сознание в современном мире» Болгарская социологическая ассоциация под руководством П.Е. Митева тоже провела ряд социологических исследований (стандартизированные интервью,

контент-анализ прессы и т.д.), включая репрезентативный опрос с объемом выборки в 1040 человек. При этом некоторые вопросы шубкинской анкеты были изменены, а сама анкета дополнена вопросами, которые касались опасений по поводу этнических, религиозных и межнациональных конфликтов как в самой Болгарии, так и на Балканах в целом.

В целом для болгарских респондентов оказалась характерна высокая степень неуверенности в будущем, сравнимая с той, что высказывали российские респонденты в исследовании 1996 г. Также выяснилось, что жители Болгарии опасаются в первую очередь социально-экономических бедствий – снижения жизненного уровня и обнищания, криминализации общества, наступления полного беззакония, коррупции властных структур, массовой безработицы. По уровню опасения этих катастрофических событий болгары оказались сходны с россиянами [Шляпентох и др., 1999: 240].

Отличия проявились в намерениях респондентов противостоять различным опасностям. В этом плане болгары оказались сопоставимы скорее с литовцами, чем с россиянами. В случае наступления катастрофических событий около половины интервьюируемых в Болгарии были намерены предпринять какие-либо активные действия. Оказалось, что катастрофы, ставящие народ на грань выживания, стимулируют в Болгарии своеобразный микроколлективизм: «Сплачиваются семьи для коллективного выживания, улучшаются отношения между родителями и детьми, то есть на этом уровне происходит своеобразное объединение людей» [Шляпентох и др., 1999: 304].

Смена лидеров факторов страха в исследовании 1999 года. Результаты исследования 1996 г. показали, насколько изучение страхов позволяет судить о «состоянии умов» населения страны. Полученные данные, однако, представляли собой хотя и многогранный, но одномоментный срез катастрофического сознания, не позволяя судить о его динамике [Шубкин, Иванова, 2001: 349]. Поэтому было принято решение о проведении повторных исследований, и в 1999 г. по той же анкете и сопоставимой выборке в России провели анкетирование 1007 респондентов.

Результаты показали, что за несколько лет уверенность россиян в своем будущем снизилась и, напротив, возросла неуверенность. Кроме того, в 1999 г., как и следовало ожидать после тяжелого кризиса 1998 г., появился новый лидер причин страха – обнищание. Следующие четыре позиции рейтинга выглядели так: массовая безработица, полное беззаконие, криминализация общества, коррупция властных структур. Итак, теперь среди основных причин страха стали доминировать социально-патологические, связанные с общим ощущением бесправия, что явилось косвенным свидетельством аномии, прогрессирующей в российском обществе к концу 1990-х [Шубкин, Иванова, 2004: 67–69].

Интересным результатом исследования также стало гендерное выравнивание уровней катастрофизма. Если в опросах 1996 г. российские женщины демонстрировали почти вдвое больший уровень катастрофического сознания, нежели мужчины (соответственно 86 и 47%), то спустя три года в среднем тревожность женщин снизилась (до 78%), а мужчин возросла (до 59%). Также равно значимыми в 1999 г. для обоих гендеров стали социальные проблемы – обнищание, безработица, криминализация общества, беззаконие и коррупция. Значительные различия полов наблюдались лишь в оценке угрозы войны и утраты традиций, которыми женщины были обеспокоены в два раза больше, нежели мужчины.

Эмпирические данные 1999 г. также показали, что региональные различия продолжают сказываться на уровне тревожности населения. В то же время отчетливо проявила себя урбанизационная переменная: у респондентов, проживавших в крупных городах, уровень катастрофизма оказался в целом вдвое меньше, нежели у жителей райцентров, небольших городов и сел [там же: 73].

Как и в исследованиях 1996 г., респондентам задавали вопросы об их действиях в случае опасности наступления катастрофического события. Результаты показали снижение социальной активности населения: доля тех, кто намерен был предпринять какие-либо меры, чтобы предотвратить либо ослабить опасность, за 1996–1999 гг. снизилась с 2/5 до 1/3. Соответственно увеличилась доля полагающих, что от их действий ничего не

зависит. В то же время опасности бытового уровня, которые могут затрагивать человека лично, его семью и близкое окружение, в 1999 г., как и три года назад, готовы были предотвратить 2/3 респондентов. В этом плане уровень солидарности в малых группах остался неизменным [там же: 84–87].

В исследовании 1999 г. также задавались вопросы о тяжелейших периодах в отечественной истории как до революции 1917 г., так и после. Что касается дореволюционного периода, здесь результаты сравнительно с опросом 1996 г. не поменялись: почти треть респондентов самой крупной катастрофой называла Первую мировую войну, 1/5 – Отечественную войну 1812 г. Зато изменился рейтинг послереволюционных катастрофических событий. Как и три года назад, треть отвечавших ставила на первое место Великую Отечественную войну. Но в исследовании 1999 г. выявилось изменение отношения респондентов к перестройке и реформам 1990-х гг. За три года почти вдвое увеличилась доля тех, кто считал этот период одним из самых тяжелых в отечественной истории, так что он вышел в рейтинге на второе место. Напротив, значение сталинских репрессий как катастрофического события уменьшилось. Совсем ушли из списка тяжелейших периодов нашей истории коллективизация и голод в 1920–1930-е гг., но в нем появились войны в Чечне в 1990-е и в Афганистане в 1980-е.

В целом полученные в 1999 г. результаты авторы исследования интерпретировали тогда так, что произошло снижение способности населения к самоорганизации для противостояния опасностям: каждый теперь «стремится решить насущные проблемы в одиночку или объединившись с родственниками» [там же: 91].

Последнее исследование Владимира Шубкина. В 2003 г. в рамках уже другого исследовательского проекта – «Дезинтеграция российского общества и перспективы движения к солидаризации» под руководством В.Н. Шубкина – Фондом «Общественное мнение» был проведен общероссийский опрос населения по репрезентативной выборке в 100 населенных пунктах 44 республик всех экономико-географических зон России [Иванова, Шубкин, 2005]. Размер выборки составил 1500 респондентов; дополнительно был произведен опрос населения Москвы (объем выборки – 600 респондентов, 100 из которых вошли и в общероссийскую выборку). Кроме того, в рамках этого проекта состоялись четыре дискуссионные фокус-группы в Москве, Санкт-Петербурге, Воронеже и Новосибирске. Респондентам снова было предложено выразить свое отношение к опасностям, которые тревожат их в настоящий момент, назвать проблемы в жизни российского общества, с которыми оно способно или не способно справиться. Задавались вопросы и о причинах тревог, о том, как намерен вести себя человек, если его опасения сбудутся.

По результатам массового опроса было выявлено три ведущие группы страхов, которые в 2003 г., уже при новом политическом режиме, присутствовали в сознании россиян. Список наиболее тревожных явлений действительности возглавили различные проявления социальной девиации в обществе: наркомания, преступность, бандитизм, терроризм, коррупция и ситуация в Чечне. Вторая группа угроз оказалась связана с проблемами социальной и экономической адаптации: низкий уровень жизни, безработица, инфляция, экономический кризис, экономический упадок. Третья группа – природные и военные катаклизмы как масштабные проблемы, не поддающиеся контролю со стороны не только отдельного человека, но даже часто и государства.

Если сравнить с результатами предыдущего эмпирического исследования 1999 г., оказалось, что со сменой режима принципиально катастрофическое сознание наших сограждан не изменилось: основные страхи все так же связывались с усугублявшимися социальными проблемами. В.Н. Шубкин и В.А. Иванова интерпретировали это явление так: пессимистическое видение социальной реальности служит для многих социальных слоев психологическим защитным механизмом адаптации к своему неудовлетворительному положению в изменившихся социальных условиях, поскольку при этом ответственность целиком перекладывается на внешние обстоятельства, в частности на власть, не контролирующую ситуацию [там же: 25]. Отмечалось, что мотив убежденности в необходимости

патерналистской опеки граждан со стороны государства прослеживается во многих опросах. Постоянно звучит, что власть обязана не только защищать граждан, но и создавать им благоприятные социальные и экономические условия, укреплять их благосостояние.

Осуществленные в 2003 г. под руководством В.Н. Шубкина опросы показали, что подавляющее большинство отечественных респондентов, испытывавших различные страхи, не видели никакой причины или возможности лично делать что-нибудь, чтобы предотвратить опасности, грозящие обществу в целом. Хотя многие из опрошенных заявляли о своей готовности делать что-нибудь, чтобы защитить свою семью, лишь малая часть декларировала намерение проявить какую-либо активность, чтобы отвести опасности от страны в целом.

При подведении итогов проведенного в 2003 г. исследования констатировалось, что анализ проблемы страхов россиян позволяет говорить о существовавшей на тот момент глубокой дезинтеграции российского общества. Практически ни одна из проблем не воспринималась большей частью населения как общая, требующая сочувствия и мобилизации усилий всех россиян.

Проект «Катастрофическое сознание в современном мире» стал, к большому сожалению, последним крупным исследованием, проведенным Владимиром Николаевичем Шубкиным, поскольку в последние годы жизни он тяжело болел. Заслуживает глубокого сожаления, что мониторинг катастрофического сознания россиян оказался прерван, поскольку изучение страхов позволяет определить социальное самочувствие общества. Подобное самочувствие «свидетельствует о состоянии способности общества, конкретного сообщества, группы решать постоянно возникающие проблемы, сохранять, улучшать свое положение среди других сообществ, либо его неспособности решать эти проблемы, и соответственно деградировать» [Катастрофическое сознание..., 1999: 309]. Многие современные острые социальные проблемы, включая военный конфликт с Украиной и сложные отношения со странами Балтии, имеют истоки именно в проанализированных В.Н. Шубкиным и его коллегами страхах 20–25-летней давности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Иванова В.А., Шубкин В.Н. Массовая тревожность россиян как препятствие интеграции общества // Социологические исследования. 2005. № 2. С. 22–27.
- Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века / Под ред. В.Э. Шляпентоха и др. М.: ИС РАН, 1999.
- Шубкин В.Н. Страхи в России // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 62–76.
- Шубкин В.Н., Иванова В.А. Страхи и тревоги россиян. СПб.: РХГИ, 2004.
- Шубкин В.Н., Иванова В.А. Страхи, тревоги, способность противостоять им // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. С. 348–358.
- Шубкин В.Н., Иванова В.А. Структура страхов и тревог в России и на Украине // Мир России. 1999. Т. VIII. № 1–2. С. 151–166.

Статья поступила: 27.04.23. Финальная версия: 04.07.23. Принята к публикации: 05.07.23.

VLADIMIR SHUBKIN AS RESEARCHER OF CATASTROPHIC CONSCIOUSNESS

ASTAFYEV Y.U.

*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia**Yanis U. ASTAFYEV, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (ayanis@mail.ru).*

Abstract. On the centenary of outstanding Soviet and Russian sociologist Vladimir Shubkin, his latest research project is discussed, – the study of catastrophic consciousness. The project initiated by professor at East Lansing University (University of Michigan, USA) Vladimir Shlapentokh had pursued following objectives: to analyze the concepts of fears and catastrophism in relation to mass consciousness, to compare structures of fears in different regions of Russia, as well as in the countries that had intended at this time to join the project. A variety of real and imaginary fears and concerns that a person experiences explicitly or subconsciously were found to act in a sociological perspective as important mobilizing (motivating)/demobilizing (demotivating) factors of behavior, playing the role of mechanisms to evaluate certain events and plans of social interaction, ways to resist dangers or, conversely, escape them. The Center for International Studies of the Problems of Catastrophic Consciousness under the leadership of Shubkin was created specifically for the project at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. The article presents Shubkin's views on historical prerequisites for the reproduction of catastrophic consciousness in Russia, as well as generalized results of sociological studies of fears and concerns in Russia conducted in 1996, 1999 and 2003 under the leadership of Shubkin, data of comparative empirical studies in the USA, Lithuania, Ukraine and Bulgaria carried out using methodology and questionnaire developed by V. Shubkin. The contribution of the scholar to theoretical and empirical study of fears and concerns as factors of social well-being of society is noted. This well-being indicates ability of a society, a particular community, a group to solve constantly emerging problems, to maintain and improve its position among other communities, or its inability to solve these problems.

Keywords: Vladimir Shubkin, catastrophic consciousness, fears, concerns.

REFERENCES

- Ivanova V., Shubkin V. (2005) Mass concern of Russians as an obstacle to the integration of society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 22–27. (In Russ.)
- Shlapentokh V. (eds) (1999) *Catastrophic consciousness in the modern world at the end of the twentieth century*. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Shubkin V. (1997) Fears in Russia. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. No. 3: 62–76. (In Russ.)
- Shubkin V., Ivanova V. (1999) The structure of fears and concerns in Russia and Ukraine. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. VIII. No. 1–2: 151–166. (In Russ.)
- Shubkin V., Ivanova V. (2001) Fears, concerns, an ability to withstand them. In: Yadov V.A. (ed.) *Russia: A Transforming Society*. Moscow: CANON-press-C: 348–358. (In Russ.)
- Shubkin V., Ivanova V. (2004) *Fears and concerns of Russians*. Moscow: RKhGI. (In Russ.)

Received: 27.04.23. Final version: 04.07.23. Accepted: 05.07.23.